

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-186-189

Исаенко Андрей Григорьевич
Andrey G. Isayenko

заместитель министра — начальник
Следственное управление МВД по Республике Хакасия (655017, Республика Хакасия, Абакан,
ул. Щетинкина, 6)

deputy minister — head
Investigation department of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Khakasiya (6 Shche-
tinkina st., Abakan, Respublika Khakasiya, Russian Federation, 655017)

E-mail: grozny@maglan.ru

Проблемы совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа

Problems of improving the procedural status of the head of the investigative body

В статье рассматриваются проблемы совершенствования процессуального статуса начальника следственного органа. Обращается внимание на то, что появление процессуальной фигуры данного участника обусловлено изменением самого понятия органа предварительного следствия. Таким органом теперь следует рассматривать не следователя, а коллективную процессуальную фигуру, включающую в себя следователя и руководителя следственного органа.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, орган предварительного следствия.

The article deals with the problems of improving the procedural status of the head of the investigative body. Attention is drawn to the fact that the appearance of the procedural figure of this participant is also due to a change in the concept of the preliminary investigation body itself. Such a body should now be considered not an investigator, but a collective procedural figure that includes the investigator and the head of the investigative body.

Keywords: head of the investigative body, investigator, preliminary investigation body.

Одной из важнейших задач науки уголовного процесса является совершенствование уголовно-процессуального права. Более того, это особая миссия науки, которую прямо или косвенно осознает большинство ее представительниц. Поэтому совсем не случайно, что каждое новое исследование пытается привнести в уголовно-процессуальную форму свою каплю совершенства. При этом поиск совершенства протекает в парадоксальной обстановке, когда общего представления о совершенном уголовном процессе вроде как нет, а вот в отдельных фрагментах процесса это совершенство обнаруживается. Складывается впечатление, что сама интеллектуальная процедура совершенствования процесса более походит не на поиск

совершенства, а на устранение явных недостатков, которые выявились на фоне практической реализации теоретических задумок.

Подобный подход весьма заметно проявляет себя и при размышлениях о совершенствовании уголовно-процессуального статуса руководителя следственного органа. Исследователи констатируют целый ряд недостатков этого статуса и предлагают тактические способы их устранения. Общая стратегия совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа в уголовно-процессуальной науке особо четко не прослеживается.

Вместе с тем, из именно этих тактических предложений в конечном итоге эта стратегия и вырисовывается. И получается, для того чтобы

© Исаенко А.Г., 2020

понять тенденции и закономерности, свойственные научному поиску совершенства процессуального статуса руководителя следственного органа, необходимо провести ревизию недостатков, которые констатируют современные исследователи. Эти недостатки позволяют определить «болевы́е точки» несовершенства, которые видятся искателям совершенства процессуального статуса руководителя следственного органа, и помогают сгруппировать эти точки в определенные проблемные узлы.

Однако не менее важным в понимании стратегии совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа является особая идеологическая и методологическая интерпретация исходных проблем, истинное восприятие которых затруднено в силу определенных психологических стереотипов и исторической преемственности. Такой интерпретации мы попробуем подвергнуть хронологически первую проблему процессуального статуса указанного участника.

Так сложилось исторически, что первой проблемой процессуального статуса руководителя следственного органа еще с тех незапамятных времен, когда этот субъект был только-только включен в число участников уголовного судопроизводства и именовался начальником следственного отдела (ст. 127¹ УПК РСФСР, ст. 39 УПК РФ до 2007 г.), была проблема определения юридической природы этого статуса. Законодатель изначально ответил на этот вопрос самим фактом законодательного оформления этого участника. Сама идея подтверждения уголовно-процессуальной квалификации руководителя следственного органа состояла в том, чтобы узаконить процессуальное руководство этого субъекта в отношении следователя. Иными словами, к этому решению законодатель пришел эмпирически, после двух лет эксплуатации своей предыдущей поправки, наделившей правом предварительного следствия следователей органов внутренних дел. Таким образом, есть все основания полагать, что подобная идея вызрела именно в рамках органов предварительного следствия системы МВД СССР. Следственные подразделения прокуратуры обходились без этого дополнительного участника.

Полагаем, что и сама идея процессуального руководства начальника следственного отдела была производна от идеи общего административного руководства, присущего системе органов внутренних дел. Сам принцип единоначалия, который во все времена имел в этой системе важное функциональное значение, не

мог допустить, что основные процессуальные полномочия подчиненных следователей не были гармонично переплетены с соответствующими процессуально направляющими полномочиями их административного начальника. Однако это логичное с точки зрения системы МВД СССР законодательное нововведение обнажило внутренний конфликт, который, очевидно, имел место и до внесения поправок в советский Уголовно-процессуальный закон.

Этот конфликт носил в некотором смысле идеологический характер и опирался на двоякий ведомственный смысл самого термина «следователь». С одной стороны, следователь был должностным лицом органа внутренних дел, а с другой — ведущим участником уголовного судопроизводства.

Суть этого конфликта весьма красноречиво показал профессор В.Т. Томин в своей известной книге «Уголовное судопроизводство: революция продолжается». Он, в частности, написал: «Не следует забывать, что орган предварительного следствия — это не следственный аппарат, а следователь. Поэтому проблема процессуальной независимости последнего не сводится к обособлению аппарата. Для ее решения необходимо озаботиться самостоятельностью следователя внутри аппарата. Сегодня же в следственном аппарате органов внутренних дел над следователем слишком много начальников, надсмотрщиков, контролеров. В таких условиях он перестает быть органом предварительного следствия, а становится винтиком в бюрократическом механизме. Хотелось бы подчеркнуть: начальник нужен следователю — должностному лицу, следователю — участнику процесса начальник вреден. Процессуальные отношения — отношения *sui generis*. Они не должны уподобляться отношениям типа «начальник — подчиненный» [1, с. 71].

Конечно же, подобное противоречие действительно имеет место. Но истинные предпосылки его требуют скептического взгляда. Нам представляется, что подобное противоречие — между административным и процессуальным контролем начальника следственного отдела — является во многом искусственным и надуманным. Такого противоречия, к слову, никогда не возникало в «процессуально-руководящей трактовке» органа дознания. Последний с легкостью, не требующей научного осуждения, совмещал в себе и административные, и процессуальные полномочия в отношении лица, производящего дознание. Так сложилось исторически, когда процессуальные полномочия

начальника органа дознания возникали у него эпизодически. Поэтому в силу определенных стереотипов процессуальное руководство для начальника органа дознания было допустимым и даже желанным благом, во всяком случае никто особо не переживал относительно процессуальной независимости субъектов, которым начальником органа дознания персонально поручалось производство дознания в форме неотложных следственных действий либо в полном объеме. В данном случае принцип единоначалия, подразумевающий и всю гамму полномочий начальника, не был помехой для включения в него еще процессуального руководства.

Но в силу той же исторической инерции всякое процессуальное руководство следователем считалось явлением, имевшим негативную окраску, во всяком случае в рамках одного ведомства. Процессуальное руководство следователем со стороны прокурора особых нареканий не вызывало. Дебаты велись по поводу частных вопросов, сама же идея прокурорского руководства и надзора воспринималась и по сей день воспринимается как некая данность, исходящая из того, что прокурор априори имеет на это право.

Нам же кажется, что право это вовсе не такое уж априорное. Но где же скрывается источник этой идеи? А скрывается он, по нашему мнению, опять же в истории общения следователя и прокурора, которая является предпосылкой к пониманию «генетики» понятия «следователь — орган предварительного следствия». Судя по всему, эта идея родилась вместе с самым разыскным началом. Напомним, что органом расследования изначально в рамках разыскного процесса (как поисковой технологии) был сам суд. Впоследствии следователь (судебный следователь) выделился из суда, но генетически он все еще представлял собой судебный орган, которому, судя по всему, и был обязан прикреплением к собственному процессуальному статусу следователя принципа процессуальной независимости.

Впоследствии следователь, перестав быть судебным следователем, окончательно расторг свои отношения с судебной системой, но оставил себе в качестве презента сам статус «органа предварительного следствия» и принцип процессуальной независимости. Однако в административном контексте правоохранительной системы подобный статус персонального органа быстро подвергся закономерной иерархической трансформации, связанной с синтезом процессуальных и иных правоохрани-

тельных полномочий следователя, которыми он был наделен по должности. В каком-то смысле идея, согласно которой следователь является органом расследования, удалось выживать и воплощаться в практику, пока следственный аппарат был сосредоточен в прокуратуре, которая процессуально руководила органами дознания. Все советские попытки (до 1960 г.) организовать следственный аппарат в органах внутренних дел, по сути, являлись административным средством присваивания лицам, производящим дознание, должностного имени «следователь», но никак не статуса следователя.

Именно прокуратура (как орган особой обвинительно-следственной ветви власти) и выдохнула основной смысл и энергетику в понятие «следователь — орган предварительного следствия». Что касается органов внутренних дел, то для них это было изначально «запредельное» понятие; запредельное в том смысле, что оно географически существовало за пределами их родного ведомства и воплощалось в лице следователей прокуратуры.

Но создание следственного аппарата в органах внутренних дел неминуемо потребовало пересмотра исторической инерции понятия «следователь — орган предварительного следствия». Организационное решение о создании этого аппарата опиралось, скорее всего, не на концептуальную идею процессуальной независимости и самостоятельности следователя, а на концепцию усиления этой идеи (процессуальной автономии следователя) преимуществами системной работы в рамках хорошо организованной процессуальной команды. Именно в эти годы вызревала и обсуждалась мысль о создании единого следственного аппарата. Но сутью концепции создания этого аппарата, на наш взгляд, было не усиление процессуальной независимости отдельного следователя, а создание иного подхода к пониманию самого феномена органа предварительного следствия.

Введение такого участника, как начальник следственного отдела, было официальным юридическим прологом к пересмотру сути понятия органа предварительного следствия. И все внутренние конфликты, на которые указывает профессор В.Т. Томин, и были следствием укрепления этой идеи и встраивания ее в практическую деятельность. Однако (и здесь надо отчасти согласиться с В.Т. Томиным) концептуально новый подход к органу предварительного следствия не означал, что под этим органом подразумевалось именно структурное подразделение следственного аппарата. Нет,

по нашей гипотезе, в новой идее органа предварительного следствия был воплощен концепт разумного коллективизма («один ум хорошо, а два лучше»), антропогенный инструмент объективизации субъективной истины.

Окончательное юридическое закрепление новый концептуальный образ органа предварительного следствия получил в законе, который на месте такого дискуссионного участника, как начальник следственного отдела (от самого слова «начальник» веяло административным подходом), учредил процессуальную фигуру руководителя следственного органа. Уже в самом этом обновленном имени чувствовалась важная буквальная функциональная посылка: органом предварительного следствия является не каждый отдельный следователь, а структурная единица правоохранительного органа, руководимая и направляемая соответствующим должностным лицом.

Но задумаемся над тем, насколько верна эта трактовка? Само исключение из наименования этого участника слова «начальник» дает понять, что современному закону интересна не административная, а именно процессуальная составляющая статуса руководителя следственного органа. Но из этого также следует, что под «следственным органом» подразумевается не структурная единица следственного аппарата, а нечто иное?

Казалось бы, что данная «неструктурная» гипотеза разбивается о разъяснение, которое дает пункт 38¹ статьи 5 УПК РФ — «руководитель следственного органа — должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель». И таким образом, новую терминологию можно объяснить тем, что в связи с реформой следственного аппарата прокуратуры и выделе-

ния из него Следственного комитета РФ не все должности следственных руководителей охватываются понятием начальник следственного отдела.

Возможно, что такой структурный подход имеет право на жизнь. И все же нам хочется разглядеть в имени «руководитель следственного органа» и другую идею. При структурном подходе органом предварительного следствия выступает структурное подразделение, а при «неструктурном» подходе таким органом по-прежнему остается следователь, а руководитель следственного органа в буквальном смысле означает руководитель следователя. На первый взгляд, этот вывод выглядит как ничемная банальность. На самом деле в этой простой мысли заложен очень глубокий смысл — в настоящее время следователь воплощает собой орган предварительного следствия только в гармоничной процессуальной связке с руководителем следственного органа. Именно эта малая доля необходимой «следственной коллективизации» и порождает современное понятие органа предварительного следствия.

Подобное понимание органа предварительного следствия и создает необходимые идеологические и методологические предпосылки совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа и позволяет снять многие проблемы и противоречия.

Примечания

1. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989.

References

1. Tomin V.T. Criminal proceedings: the revolution continues. Gorky, 1989. (In Russ.)